

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В.Т. Малыгин

В статье рассматриваются возможности поэтического дискурса. Автор приходит к выводу, что поэтическая модель мира выстраивается автором таким образом, что у читателя появляется возможность его множественной интерпретации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, поэтический дискурс, модель, трансформации

МАЛЫГИН Виктор Трофимович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории, права и межкультурной коммуникации Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. VTMalygin@fa.ru

Цитирование: Малыгин В.Т. О возможностях перевода поэтического дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 78–87. Режим доступа: www.tverlingua.ru

ABOUT THE POSSIBILITIES OF TRANSLATING POETIC DISCOURSE

Victor T. Malygin

The article deals with the possibilities of poetic discourse. The author concludes that the poetic model of the world is built by the author in such a way that the reader has the opportunity of his multiple interpretation.

KEY WORDS: translation, poetic discourse, model, transformations

MALYGIN Victor T. – DSc in Philology, professor, Head of the chair of philosophy, history, law and crosscultural communication of Vladimir branch of Financial University under the Government of the Russian Federation. VTMalygin@fa.ru

Citation: Malygin V.T. About the possibilities of translating poetic discourse // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 4. P. 78–87. Access mode: www.tverlingua.ru

XXI век – переломная эпоха человеческой истории. Какие культурные знаки становятся её символом? Несомненно, что само время диктует внимание к злобе дня и создаёт ощущение чего-то глобального. Не случайно одним из самых распространённых и широко употребительных слов стало сегодня слово «глобализация», обозначающее процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. В результате глобализации мир становится более связанным и зависимым от всех его субъектов. Для культурной глобализации характерно сближение культур разных стран мира. Распространение популярных международных культурных явлений может грозить вытеснением национальных культур, а это значит, что основные культурные национальные ценности следует сохранять и развивать. К числу таких величайших национальных культурных ценностей относится несомненно литература и прежде всего поэзия.

История показывает, что периоды социокультурных трансформаций в России, как правило, сопровождаются спонтанным всплеском поэтического творчества, повышением внимания к социальной роли и усилением общественной значимости поэтов. Особое положение поэзии среди других видов искусства и высокая гражданская роль поэта в обществе обусловлены спецификой культурных задач поэзии и особенностями русской культуры в целом. Великому шестидесятнику Е.А.Евтушенко принадлежат бессмертные и воистину пророческие слова, давно уже ставшие самым ярким и точным определением роли поэта в нашей стране: « Поэт в России – больше, чем поэт. / В ней суждено поэтами рождаться лишь тем,/ в ком бродит гордый дух гражданства,/ кому уют нет, покоя нет».

Причины особой роли поэтов и поэзии в российском обществе следует искать в самом феномене поэзии не только как в одной из основных форм литературы, но и как коммуникационного речевого акта особого типа, специфически замкнутой семиотической структуры.

Возникший в XIX веке интерес общества к эволюции поэтического сознания как к важнейшему элементу национальной культуры способствовал формированию поэтического дискурса в русской поэзии и сформировал представление в русской культуре о НОМО РОЕТИКУС (человек поэтический).

Понятие дискурса, введенное в литературоведческий обиход в эпоху позднего структурализма, в широком смысле обозначает процесс языковой деятельности, способ говорения, а в узком – корпус текстов, объединенных в коммуникативном и функциональном отношениях.

Объектом нашего исследования является особый поэтический дискурс, который определяется в современной науке как «сложная, нелинейно организованная система поэтических текстов, образно-речевые элементы которой представляют собой интегративное и системно связанное единство их языковых, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств» (Ковалев, 2010: 45). Функциональные свойства поэтического дискурса создают возможность эстетического представления смыслов в процессе поэтической коммуникации.

Поэтическая система по своей природе существенно отличается от прозы. Кроме композиции, системы выразительных средств она имеет ряд существенных особенностей: метр, ритм, рифма, строфика, графика.

Отметим, что ведущим принципом русской национальной поэтической техники остается до сих пор силлаботоника, введенная В.К Третьяковым и М.В.Ломоносовым. Для русской поэзии по-прежнему традиционными остаются метрические схемы ямбов, хореев, дактилей, амфибрахий, анапестов. Разумеется, современная поэзия претерпевает значительные гетерогенные процессы в области классических форм. И мы наблюдаем сегодня перераспределение функций и состава метрических приоритетов. Признаками новой поэтической традиции являются сегодня: лидерство вольного дольника и верлибр, отказ от изосиллабизма и изотонизма, обилие форм со спорадической рифмовкой и тавтологическими созвучиями.

Особым элементом поэтической системы является рифма, выполняющая в стихе несколько функций: 1) ритмическую, 2) делимитативную (разделительную), 3) эвфоническую, 4) семантическую. И хотя в новой русской поэзии отношение к рифме неоднозначно и многие даже говорят сегодня о кризисе русской рифмы, а сами поэты демонстративно отказываются от рифмы, всё-таки именно рифма оказывается в ряде маргинальных форм новой системы русского стиха одним из доминантных его признаков.

Строфический уровень поэтической системы – одна из самых индивидуализированных областей стихосложения. Строфические формы характеризуются большим разнообразием. Есть формы твёрдой русской строфики, есть индивидуальные композиционные решения, есть стереотипы (например, катрены с рифмовкой АВАВ, аВаВ, авав, АВАВ и т.д.), есть заимствования из европейской и восточной поэтик, есть такие специфические формы, как нетождественная и скрытая строфика, астрофический стих, однострофные структуры. Развиваются русский верлибр, визуальная поэзия, конструктивистский стих.

Последний важный признак поэтического текста – графика. Горизонтально-вертикальная структура поэтического текста, маркированная чаще всего в анлауте прописными буквами, а в коде – рифменными созвучиями. В XX веке появляется лесенка Белого и Маяковского, переносы предложения из строки в строку, нарушение горизонтальной последовательности стихового ряда и др.

Таким образом, поэтический дискурс – это феномен особого порядка, обладающий собственной системой «шифров». Процесс дешифровки поэтического текста усложняется отношениями: автор – текст – читатель. Если при этом учесть, что в поэтическом тексте переосмысливаются и изменяются все языковые элементы – от звука (фонемы) до целого стихотворного ряда, а при его переводе на другой язык к названной триаде добавляется еще фигура переводчика, то становится очевидным, что

сложности передачи поэтической системы исходного языка средствами языка-перевода возрастают многократно. Существует даже миф, что стихотворный перевод в наибольшей степени удалён от первоисточника, подвержен произволу авторского субъективизма и адекватный поэтический перевод вообще невозможен.

Поэтический текст – это прежде всего текст художественный, это фасцинирующее произведение. Не всякое событие может стать объектом эстетического осмысления и переживания. Известно высказывание Ф.Энгельса о том, что девушка может петь о потерянной любви, но скряга не будет петь о потерянной кошельке. Хотя, например, в поэтике постмодерна авторы часто оформляют в виде поэтических текстов те объекты, которые изначально относились к профанному миру.

«С позиции дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» (Карасик, 2002: 20). Поэтический дискурс – это материальная фиксация процесса поэтической коммуникации. В поэтическом дискурсе отношение автор – читатель опосредовано эстетикой поэтического произведения.

В.И. Карасик определяет поэтический дискурс как образец личностно – ориентированного дискурса, где участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресанта и понять адресата как личность во всём многообразии личностных характеристик. Стихотворная форма служит при этом уникальным инструментом превращения слова в один из предметов искусства.

Наряду с необычной организацией поэтической речи трудности её трансляции в другой языковой и поэтической системе обуславливаются также рядом следующих ярких отличительных черт:

1) Эмоциональная окрашенность с максимально выраженным субъективно-эмоциональным отношением субъекта речи к явлениям, фактам, событиям чувствам, идеям;

2) Однородная ритмическая основа стиха, образованная повторяющимися интонационными сегментами; превалирующая роль мелодики, «жесткая» композиционная структура;

3) Подчинённость семантико-стилистической организации речи передаче доминирующего поэтического образа и поэтическому жанру (элегия, баллада и т.д.);

4) Эмоционально-оценочный характер лексики, используемой в стихотворной речи; зависимость эмоционально-смыслового потенциала слова от его места в ритмическом ряду. Поэтический дискурс отличается также таким взаимосвязанными свойствами, как замедленный темп, монотонность (интонационная вариативность), строгая система паузирования и некоторые другие (Макарова, 2005: 117, Гончаренко, 1995: 71-72).

Если исходить из известного тезиса о том, что поэтическая модель мира выстраивается автором таким образом, что у читателя появляется возможность его множественной интерпретации, становится ясно, что для читателя-переводчика открываются безграничные возможности для поэтического переосмысления стихотворного текста при переложении его с одного языка на другой.

Всякий дискурс – это код, а поэтический дискурс – тем более. Следовательно, первейшая задача переводчика – декодировать всю заложенную в тексте-оригинале информацию – и фактуальную, и – самое сложное! – информацию эмоционально-оценочную, вербально-эстетическую. Как справедливо отмечает Л.С.Макарова, «Поэтический дискурс представлен речью эмоционального типа, в которой максимально выражено субъективно-эмоциональное отношение автора к явлениям, событиям, представлениям и образам. Эмоция в стихотворной речи достигает столь высокой интенсивности, что эмоциональная нагрузка сообщается каждому

отдельному слову, каждой паузе и каждому звуковому «обертону» стиха» (Макарова, 2005: 30).

В поэтическом переводе существенное значение приобретает не эквивалентность перевода, а художественная адекватность. В задачи переводчика входит достижение такого эффекта, чтобы поэтический перевод оказался способным обеспечить читателю интеллектуально-гедонистическое переживание той же интенсивности, которая достигается читателем при чтении подлинника.

С.Ф. Гончаренко предполагает, что к понятию художественная адекватность следует отнести стилевые особенности оригинала и его стихотворные характеристики (размер и рифму). Понятие художественной адекватности должно также включать и адекватность соотношений между оригиналом и поэтической традицией его языка и переводом с традицией языка на выходе (Гончаренко, 1995: 81).

Поэтический текст следует рассматривать в трёх аспектах: смысловом (что сказано), стилистическом (как сказано) и прагматическом (какую реакцию вызывает сказанное у читателя). При этом, как справедливо отмечают практически все исследователи поэзии, первейшее место занимает эстетическая информация поэтического текста, которая по мнению С.Ф.Гончаренко складывается из пяти составляющих: собственно эстетической, катартической, гедонистической, аксиологической и суггестивной информации (Гончаренко, 1995: 110).

Некоторые учёные считают, что при переводе поэтических текстов следует соблюдать такие правила, как эквилинеарность (сохранение равного числа строк), эквиритмия (сохранение ритма и метра подлинника) и воспроизведение синтаксиса подлинника (переносов части предложений из строки в строку и прочие внешние черты синтаксической формы).

Всё это, конечно же, нужно учитывать переводчику в мучительных поисках средств художественной адекватности. Но при этом мы считаем необходимым напомнить справедливое и точное посылу напутствие

Е.Г.Эткинда: создание нового поэтического содержания – смыслового содержания и формы – вот чего должен добиваться переводчик!

Суммируя всё вышесказанное, отошлём любопытного и креативного слушателя и читателя к одной из фундаментальных книг на затронутую нами тему, в которой один только перечень разделов ярко и убедительно свидетельствует о том, что поэтический дискурс переводим при условии использования всех тех методов, о которых идёт здесь речь и о тех принципах перевода, которые проповедовал Е.Г. Эткинд – один из крупнейших знатоков и исследователей поэзии (Эткинд, 1963).

Одно только перечисление названий отдельных глав и разделов этой книги красноречиво свидетельствует о том, что поэзия переводима и переводчику нужно только помнить, что существует Поэзия внешней формы и Поэзия мысли, что Поэзии не чужда наука, а следовательно вольный полёт творческого воображения должен опираться на точное знание и исследовательский расчёт. Как в этой связи нужно относиться к переводам, сделанным людьми, не знающими языка текста-оригинала и мало сведующими в области истории и культуры носителей этого языка? Эткинд без обиняков утверждает, что подстрочник ведёт к банализации, так как поэзия – самое национальное из искусств, в ней становится осязаемой звуковая плоть языка (Эткинд, 1963: 252). А ещё в этой книге необыкновенно ценными являются такие разделы, как Открытие стиля, Метр, ритм, интонация, Современный свободный стих, Русская переводная поэзия для детей и Поэзия поэзии. Содержание этих разделов чётко определено уже самими названиями, а тонкие, изящно сформулированные и глубокие суждения автора о проблемах и различных методах перевода поэтических текстов, о сущности, важности и путях решения поставленных вопросов делают эту книгу актуальной и современной. До сих пор возникают дискуссии и споры: в какой мере переводчик является писателем, следует ли считать благом ярко выраженную личность переводчика, как сливаются

в переводческом деле филология и поэзия, наука и искусство, что такое верность и точность перевода?

Поэтическая модель мира выстраивается автором таким образом, что у читателя появляется возможность его множественной интерпретации. У читателя может возникнуть даже ощущение непонимания, неестественности, парадоксальности, культурного шока. Если ещё к тому же принять во внимание признаки, отличающие современную поэзию от традиционной, такие, например, как особый способ функционирования художественного слова в иронической или визуальной поэзии, а также в лингвогобелене, то ни у кого не может возникнуть и тени сомнения в том, насколько сложны и многогранны проблемы перевода поэтического дискурса, а стало быть проблемы расшифровки особого поэтического кода этого альтернативного по предположению Ю.С.Степанова мира.

Ссылки – References in Russian

Гончаренко, 1995: 71-72 – *Гончаренко, С.Ф.* Собрание сочинений в 3-х томах. Т.3. М.: Рема, 1995.

Карасик, 2002: 20 – *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Ковалев, 2010: 45 – *Ковалев, П.А.* Поэтический дискурс русского постмодернизма: дис. докт. филол. наук, Орел, 2010.

Макарова, 2005: 117 – *Макарова, Л.С.* Поэтический дискурс и перевод. URL.: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova>. С. 116–118.

Эткинд, 1963: 252 – *Эткинд, Е.Г.* Поэзия и перевод. М.: Советский писатель, 1963.

References

Etkind, E. (1963) *Poetry and translation*, М., Sovetskij pisatel (in Russian).

Goncharenko, S. (1995) *Collected works in 3 volumes*, Т.3. М., Rema (in Russian).

Karasik, V. (2002) *Language circle: personality, concept, discourse*, Volgograd, Peremena (in Russian).

Kovalev, P. (2010) *The poetic discourse of Russian postmodernism*, dis. dokt. filol. nauk, Orel (in Russian).

Makarova, L. (2005) *Poetic discourse and translation* // <http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova>. С. 116–118 (in Russian).